

ПРОТЕКЦИОНИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация

Исследование направлено на анализ протекционизма как стратегического инструмента внешней политики Российской Федерации в условиях формирования многополярного миропорядка. Актуальность работы обусловлена усилением тенденций к деглобализации и пересмотром моделей международной торговли. Однако проблема заключается в недостаточной систематизации мотивов, форм и последствий российского протекционизма в контексте его внешнеполитической, а не только экономической, целесообразности.

Опираясь на методологию неореализма в международных отношениях и применяя системный анализ, а также сравнительно-правовой подход, мы анализируем эволюцию протекционистских мер России за период с 2014 по 2024 год, включая импортозамещение, контрсанкции и развитие национальных платежных систем. Результаты. Работа выявляет, что российский протекционизм трансформировался из вынужденной ответной меры в комплексную стратегию, нацеленную на достижение экономического суверенитета, переориентацию торговых потоков на альтернативные центры силы (Азию, Ближний Восток) и укрепление политического влияния в рамках ЕАЭС.

АКИМОВА Алёна Олеговна – старший преподаватель кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, Москва, email: akimova.ao@rea.ru, SPIN-код: 8717-9650

АЙНЕТДИНОВ Ринат Хафисович – аспирант Российского государственного социального университета, Россия, Москва, email: rinosbmw@yandex.ru

Ключевые слова: протекционизм, внешняя политика России, многополярность, экономический суверенитет, контрсанкции, импортозамещение, ЕАЭС, санкции, деглобализация

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_63

Исследование доказывает, что в условиях санкционного давления протекционизм стал ключевым элементом построения устойчивой к внешним шокам национальной экономики и инструментом ослабления униполярной гегемонии Запада.

Таким образом, исследование показало, что протекционизм в российской внешнеполитической практике является многогранным инструментом, служащим целям как экономической безопасности, так и геополитического позиционирования.

Его результаты могут применяться для дальнейшего прогнозирования развития международной системы, выработки стратегий адаптации национальных экономик к новым реалиям и понимания логики российской внешней политики в многополярном контексте.

Введение

Современная международная система переживает фундаментальную трансформацию, характеризующуюся переходом от однополярной модели, доминируемой после окончания Холодной войны Западом во главе с США, к более сложной и полицентричной структуре – многополярному миропорядку. В этой системе наряду с традиционными центрами силы укрепляются новые акторы, такие как Китай, Индия, Бразилия и Россия. Данный процесс сопровождается ростом геэкономической конкуренции, усилением роли национальных государств и пересмотром принципов глобального управления, в том числе в сфере международной торговли [1], что приводит многие страны к вопросу о защите своего экономического суверенитета.

Классический протекционизм – это государственная политика, временно защищающая национальных производителей от иностранной конкуренции. Его цель – стимулировать экономический

рост и повысить конкурентоспособность внутреннего производства через допустимые ограничения на импорт.

Эту идею можно применить к модели «центр–периферия». С. Амин считает, что периферийные экономики зависимы от центра. В отличие от теории, где развивающаяся страна может стать развитой, Амин отмечает, что периферия вынуждена специализироваться на трудоемких, низкотехнологичных отраслях. Центр же монополизировал высокотехнологичные производства. Это закрепляет перераспределение стоимости в пользу центра через низкие зарплаты, девальвацию валют и вывоз капитала на периферии [2].

В контексте этой трансформации, протекционизм, традиционно понимаемый как экономическая политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции через тарифные и нетарифные барьеры, приобретает новое звучание. Он эволюционирует из сугубо

экономического инструмента в стратегический ресурс внешней политики, используемый для достижения не только торгово-экономических, но и геополитических целей. Для Российской Федерации, столкнувшейся с беспрецедентным санкционным давлением со стороны западных стран после событий 2014 года и особенно в 2022 году, протекционизм стал катализатором глубоких структурных изменений в экономике и ключевым элементом стратегии суверенизации и построения «многополярного мира на практике» [3].

Целью данной статьи является комплексный анализ протекционистской политики России как инструмента ее внешней политики в условиях становления многополярного миропорядка. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. Проследить эволюцию протекционизма в российской внешнеполитической практике в период с 2014 по 2024 год.

2. Выявить и классифицировать основные инструменты и направления протекционистской политики РФ.

3. Проанализировать, как протекционизм способствует достижению Россией целей экономической безопасности и укреплению ее позиций в формирующейся многополярной системе.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении протекционизма не как изоляционистской или чисто оборонительной меры, а как активного внешнеполитического инструмента, направленного на перестройку глобальных экономических связей и создание альтернативных центров притяжения.

Теоретические основы и эволюция российского протекционизма в контексте многополярности

В ходе эволюции мировой торговли сформировались две принципиально различные концепции регулирования международного товарообмена. Одна из них – протекционизм – обосновывает необходимость активного государственного вмешательства во внешнеэкономическую сферу с использованием тарифных и нетарифных мер. Ключевыми задачами такой политики выступают ограждение национальных производителей от иностранной конку-

ренции, стимулирование экспорта и обеспечение экономического роста.

Этой системе взглядов противостоит теория свободной торговли (фритрейдерство), базирующаяся на принципах минимального вмешательства государства и устранения любых ограничений. Анализ исторической динамики показывает, что выбор в пользу той или иной доктрины носит циклический характер и напрямую зависит от конкурентных позиций страны на ми-

ровом рынке. Наиболее конкурентоспособные экономики, как правило, выступают за либерализацию, тогда как государства, чья промышленность уступает иностранной, склонны к защитным мерам. Важно подчеркнуть, что данная закономерность отражает лишь общую тенденцию, поскольку на практике внешнеторговая политика часто представляет собой комбинацию элементов обеих концепций [4].

Теоретической основой для понимания роли протекционизма в современной внешней политике России служит школа неореализма в международных отношениях. С точки зрения неореализма, в anarchic международной системе государства, являясь ключевыми акторами, прежде всего стремятся к обеспечению собственной безопасности и выживанию. Экономическая мощь при этом рассматривается как критически важный компонент национальной силы, необходимый для отстаивания суверенитета и независимой внешней политики [5]. Многополярность, с этой точки зрения, – это система, где несколько великих держав конкурируют за влияние и ресурсы, а экономическая взаимозависимость становится полем стратегической борьбы, а не гарантом мира.

По нашему мнению, многополярность создает здоровую среду конкуренции, которая способствует своего рода «гонке вооружений» прежде всего в экономической отрасли, что может привести к более быстрому развитию современных

технологий, улучшить социальную сферу и ко всему прочему, как было отмечено выше, обеспечить безопасность экономического суверенитета страны от влияния всевозможных кризисов.

Эволюцию российского протекционизма можно разделить на два ключевых этапа:

1. Ответный протекционизм (2014–2021 гг.). Отправной точкой стало введение западных санкций в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма. В ответ Россия ввела продовольственное эмбарго на поставки широкого перечня товаров из стран ЕС, США, Канады и других государств. Изначально эта мера носила симметричный ответный характер. Однако она стала триггером для запуска политики импортозамещения, которая была возведена в ранг национальной стратегии. Целью было не просто «заместить» импорт, но создать устойчивые и конкурентоспособные производства внутри страны, снизив критическую зависимость от западных технологий и товаров. На данном этапе протекционизм был в значительной степени реактивным и оборонительным, но уже заложил основы для более стратегического подхода [6].

2. Стратегический протекционизм (2022 – по н.в.). Полномасштабное санкционное давление в 2022 году придало протекционистской политике качественно новый характер. Из оборонительной она превратилась в наступательно-созидательную, став стержнем кон-

цепции «суверенной экономики». Меры стали более радикальными и комплексными:

А) Финансовый протекционизм: ускоренное развитие национальной финансовой инфраструктуры (СПФС, Мир), дедолларизация торговли, стимулирование расчетов в национальных валютах с партнерами [7].

Б) Торговый протекционизм: дальнейшее ограничение импорта из «недружественных» стран, поддержка экспорта через субсидии и государственные инструменты.

В) Технологический протекционизм: жесткие меры по защите внутреннего ИТ-рынка, поддержка отечественных разработок в области ПО, микроэлектроники и других критических технологий [8].

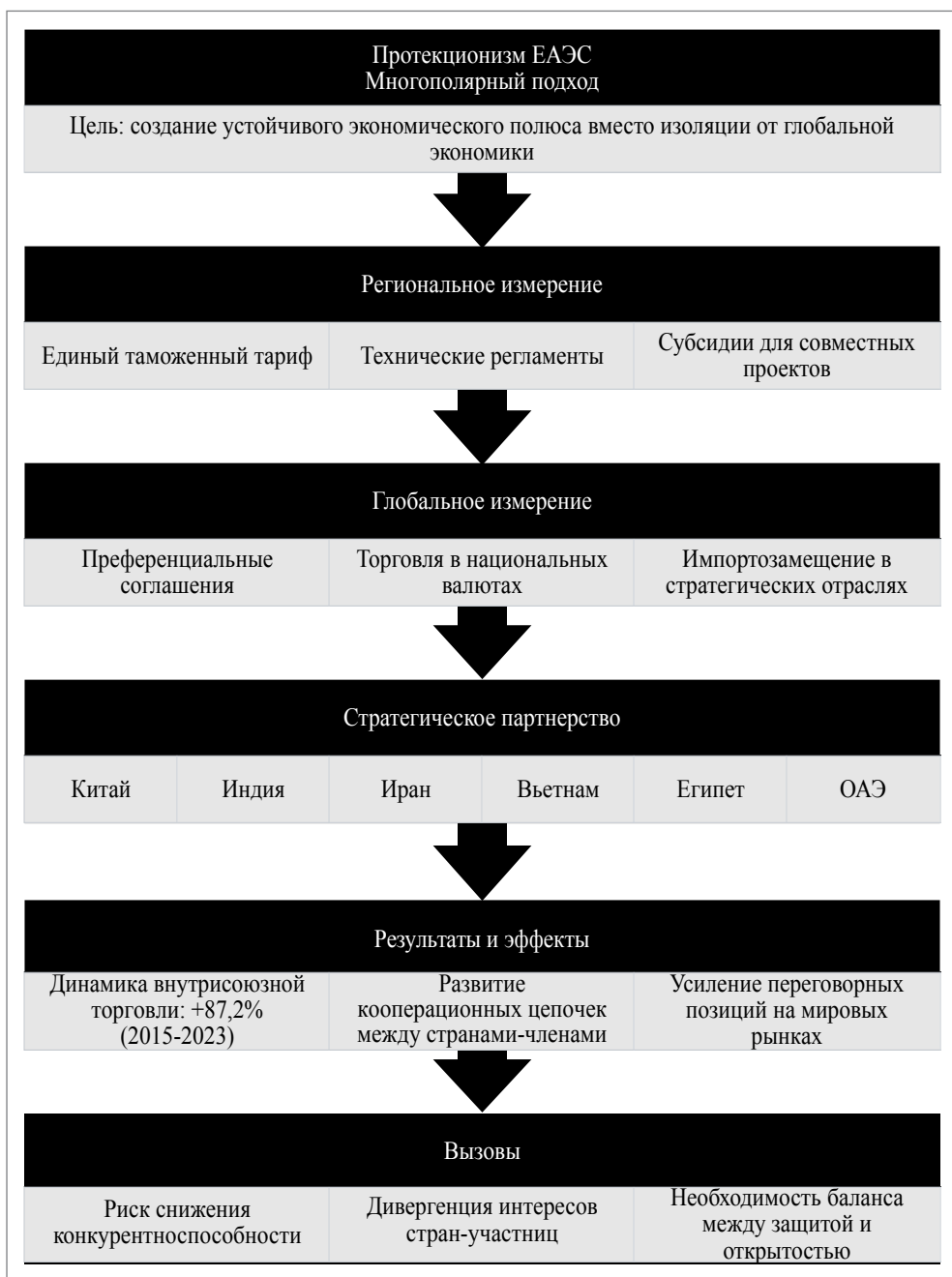
Этот эволюционный переход свидетельствует о том, что Россия стала использовать протекционизм не просто для защиты, а для активного формирования новой конфигурации внешнеэкономических связей, отвечающей ее стратегическим интересам в многополярном мире.

Протекционизм как инструмент построения многополярности: региональное и глобальное измерения

В рамках Евразийского экономического союза протекционизм России трансформируется из национального в наднациональный, коллективный. Это позволяет реализовать принцип «протекционизма большого пространства», который теоретически обосновывался еще в рамках школы экономического неомеркантилизма. Объединенный рынок ЕАЭС с населением свыше 180 млн человек представляет собой критическую массу, достаточную для создания конкурентоспособных производств и устойчивых цепочек добавленной стоимости, защищенных от внешней конкуренции общим внешним тарифом (ОВТ) и единой нетарифной политикой.

Конкретные механизмы реализации этой стратегии включают:

1. Скоординированная торговая политика. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) как наднациональный орган устанавливает единые таможенные тарифы, квоты и антидемпинговые пошлины в отношении третьих стран. Это не только защищает общий рынок, но и кардинально усиливает переговорные позиции Союза при заключении преференциальных торговых соглашений. Например, создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, переговоры с Египтом, ОАЭ и Индией – это прямые результаты того, что партнеры ведут диалог с единым торговым блоком, а не с разрозненными странами. Это позволяет России проецировать свои экономические и отчасти политические стандарты на сопредельные регионы.

Рис. 1. Протекционизм ЕАЭС как инструмент многополярности

2. Техническое и фитосанитарное регулирование как нетарифные барьеры. Разработка и внедрение единых стандартов ЕАЭС (технических регламентов, ветеринарных и санитарных норм) выполняют двойную функцию. С одной стороны, они унифицируют рынок для производителей стран-участниц, стимулируя внутрисоюзную торговлю. С другой стороны, эти стандарты становятся сложным нетарифным барьером для товаров из «недружественных» стран, которые должны быть сертифицированы заново, что увеличивает их стоимость и сложность выхода на рынок ЕАЭС. Это элегантная форма протекционизма, соответствующая правилам ВТО, но эффективно защищающая внутреннего производителя.

3. Импортозамещение в рамках Союза. Политика импортозамещения реализуется не на узконациональной, а на общесоюзной

основе. Создаются евразийские технологические альянсы и кооперационные цепочки. Например, компоненты для машиностроения могут производиться в России, собираться в Беларуси, а конечная продукция поставляться на рынок Казахстана. Это позволяет достичь эффекта масштаба, избежать дублирования производств и создать конкурентоспособную продукцию, замещающую импорт извне. Таким образом, протекционизм на уровне ЕАЭС служит инструментом не изоляции, а более глубокой экономической интеграции и консолидации региона вокруг России, создавая один из полноценных полюсов в формирующейся многополярной экономической системе [9].

Таким образом, ЕАЭС формирует новый полюс экономического влияния через сбалансированный протекционизм и региональную интеграцию [10].

Глобальное измерение: «восточный вектор» и дедолларизация

На глобальном уровне протекционистская политика России напрямую нацелена на ускорение процессов деглобализации и дезинтеграции от западноцентричной мировой экономики. Ключевыми элементами этой стратегии являются:

Переориентация торговых потоков: активный уход с европейских рынков энергоресурсов и поиск новых покупателей в Азии (Китай, Ин-

дия). Одновременно идет наращивание импорта не из Европы, а из Китая, Турции, стран Юго-Восточной Азии. Это на практике создает новые оси экономического взаимодействия (Москва – Пекин, Москва – Дели, Москва – Тегеран), укрепляющие многополярность [11].

Если с Китаем структура взаимоотношений более чем понятна, ввиду тесного сотрудничества в огромном количестве сфер (энерге-

тика, высокие технологии, поставки товаров широкого потребления и т.д.), то с Индией и Ираном, можно сказать, отношения вышли на кардинально новый уровень. Да-

вайте рассмотрим некоторые экономические показатели, которые наглядно демонстрируют огромный рост в области экономического сотрудничества.

Таблица 1.

Динамика товарооборота России и Индии [12]

Годы/ показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024 (I кв.)
Оборот, \$ млрд	9,51	7,83	7,59	9,36	11,00	11,20	9,26	13,50	35,00	65,00	17,49
Темпы прироста, %	-5,57	-17,7	-3,1	+23,3	+17,5	+1,8	-17,4	+45,8	+159,2	+80,0	+5,0
Экспорт, \$ млрд	6,34	5,57	5,23	6,46	7,75	7,31	5,80	9,13	32,50	60,90	16,34
Темпы прироста, %	-9,19	-12,1	-6,3	+23,5	+19,96	-3,2	-20,7	+57,4	+256,1	+79,1	+5,4
Импорт, \$ млрд	3,17	2,26	2,36	2,90	3,23	3,92	3,46	4,43	2,50	4,10	1,15
Темпы прироста, %	+2,6	-28,8	+4,4	+25,9	+11,4	+21,4	+11,7	+28,03	-43,6	+41,4	+21,7
Сальдо, \$ млрд	3,17	3,31	2,87	3,56	4,52	3,39	2,34	4,70	30,00	56,80	15,19

Как отмечено в документе «Большой Азии», первоисточником данной таблицы является Министерство коммерции и промышленности Индии. Анализ метрик о взаимной торговле между Россией и Индией наглядно демонстрирует,

что период после введения санкций со стороны Запада в отношении России в 2022 году стал точкой по-настоящему кардинального перелома и мощного стимула для развития двусторонних экономических отношений.

Таблица 2.

Динамика товарооборота России и Ирана [13]

Годы/показатель	2020	2021	2022
Товарооборот, \$	2,2 млрд.	4,0 млрд. +81%	4,9 млрд. +20%

В сравнении с Индией, динамика товарооборота более сдержанная, однако она положительная и объективно имеет высокий прирост.

Стимулирование расчетов в национальных валютах: Отказ от доллара и евро в международных расчетах является формой финансового протекционизма. Это защищает российскую экономику от воздействия западных финансовых санкций и подрывает доминирование доллара как мировой резервной валюты, что является одним из главных «козырей» американской гегемонии. Создание альтернативных платежных и расчетных механизмов – прямой вклад в формирование многополярной финансовой архитектуры [14].

Суверенизация критических цепочек поставок: Политика импортозамещения в области высоких технологий, машиностроения и сельского хозяйства направлена на создание национальных или наднациональных (в рамках ЕАЭС, БРИКС) цепочек создания стоимости. Это снижает уязвимость от санкций и укрепляет экономиче-

скую основу для проведения независимой внешней политики [15].

Данные меры демонстрируют, что российский протекционизм является конструктивным элементом в построении альтернативных глобальных экономических сетей, противостоящих существующей западной системе.

После введения санкций в 2022 году протекционизм России не был просто попыткой закрыть внутренний рынок. Это был осознанный конструктивный шаг по созданию новых, устойчивых и взаимовыгодных цепочек поставок и взаимодействия в целом. Данные это наглядно иллюстрируют: необходимость срочно найти замену западным рынкам и валютам привела к взрывному росту товарооборота с Индией – с 13,5 млрд долларов в 2021 году до 65 млрд в 2023. Это не стихийный рост, а результат целенаправленной политики по переориентации потоков. Также это говорит о том, что у России среди дружественных стран имеется список сильных региональных держав, который не ограничивается промышленным гигантом – КНР.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Современный российский протекционизм представляет собой не набор разрозненных защитных мер, а комплексную и многоуровневую стратегию, интегрированную

во внешнеполитический курс страны. Он эволюционировал от тактического ответа на санкции до стратегического инструмента построения «экономического суверенитета» и изменения своей роли в международной системе.

В условиях формирования многополярного миропорядка протекционизм выполняет двойную функцию: внутреннюю (защита и развитие национальной экономики, обеспечение безопасности) и внешнюю (ослабление позиций западного гегемона, формирование новых альянсов и экономических осей).

Ключевыми направлениями реализации протекционистской стратегии являются укрепление ЕАЭС как регионального полюса экономического притяжения и масштабная переориентация внешнеэкономических связей на незападные центры силы (Китай, Индия, Ближний Восток), что на практике материализует концепцию многополярности.

Финансовый протекционизм, выраженный в деолларизации и развитии национальной финансовой инфраструктуры, является важнейшим компонентом этой стратегии, напрямую бросающим

вызов основам финансовой гегемонии США.

Таким образом, протекционизм в арсенале современной российской внешней политики является эффективным инструментом адаптации к санкционному давлению и одновременно активным средством ускорения перехода к многополярной модели мироустройства. Он позволяет России не только минимизировать издержки конфронтации с Западом, но и использовать эту конфронтацию для структурной перестройки экономики и поиска новых, более диверсифицированных и устойчивых связей в рамках альтернативных центров силы. Дальнейшее развитие данной стратегии будет определяться как успешностью внутренней политики импортозамещения, так и динамикой формирования новых экономических и политических союзов в мире.

Список литературы

1. Дегтерев Д. А., Боришполец К.Н. Санкции и контригры: экономическая война Запада против России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 2. С. 5-16.
2. Акимова А. О., Айнетдинов Р.Х. Протекционизм в условиях формирования многополярного мира суверенных государств // *Постсоветский материк*. 2025. № 1. С. 99-107.
3. Лукин А. В. К многополярному миру: становление полицентричной международной системы // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 4. С. 8-26.
4. Бондарев А. В., Цаплин В.О. Теоретические и исторические аспекты развития протекционизма // *Трансформация мировой экономики в новых рыночных реалиях*. 2023. С. 850-855.
5. Waltz K. N. *Theory of International Politics* – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

6. Зуев В. Н., Свиначев А.С. Протекционизм в международной торговле: новые вызовы и современные формы // Вестник международных организаций. – 2022. Т. 17, № 1. С. 55-75.
7. Об утверждении Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № 347 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305110001> (дата обращения: 20.05.2024).
8. Кадочников П. А., Синельников-Мурылев С. Г. Импортозамещение в России: от вынужденной меры к стратегии развития // Вопросы экономики. – 2023. № 5. С. 5-25.
9. Широков А. А., Хромов М.Ю. Оценка последствий санкций для российской экономики и перспективы импортозамещения // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29, № 9. С. 12-17.
10. Оверчук: С 2015 года объемы торговли в ЕАЭС выросли на 87,2 процента // <https://www.pnp.ru/economics/overchuk-s-2015-goda-obemy-torgovli-v-eaes-vyrosli-na-872.html> (дата обращения: 22.09.2025).
11. Спартак А. Н. Россия в глобальной торговой системе: вызовы санкций и стратегия адаптации // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 10. С. 7-22.
12. РОССИЯ – ИНДИЯ. Вызовы и решения экономического сотрудничества // URL: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
13. Рост внешней торговли между Россией и Ираном // URL: <https://iranchemicals.ru/novosti/rost-vneshney-torgovli-mezhdu-gossiey-i-iranom-/> (дата обращения: 22.09.2025).
14. Трунин П. В., Муравьев А.В. Дедолларизация российской экономики в условиях санкций // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. № 1. С. 3–30.
15. Портанский А. П. Протекционизм XXI века: в формате торговых войн // Современная Европа. 2020. № 2. С. 54–65.

AKIMOVA Alyona O. – Senior Lecturer at the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, email: akimova.ao@rea.ru.

AYNETDINOV Rinat Kh. – Postgraduate student of the Russian State Social University, Moscow, Russia, email: rinosbmw@yandex.ru.

Keywords: protectionism, Russian foreign policy, multipolarity, economic sovereignty, counter-sanctions, import substitution, EAEU, sanctions, deglobalization

PROTECTIONISM AS A TOOL OF RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER

Abstract

This study is aimed at analyzing protectionism as a strategic tool of the Russian Federation's foreign policy in the context of the formation of a multipolar world order. The relevance of the work is due to the increasing trends towards deglobalization and the revision of international trade models. However, the problem lies in the insufficient systematization of the motives, forms and consequences of Russian protectionism in the context of its foreign policy, and not only economic, expediency.

Based on the methodology of neorealism in international relations and applying a systematic analysis, as well as a comparative legal approach, we analyze the evolution of Russia's protectionist measures from 2014 to 2024, including import substitution, counter-sanctions and the development of national payment systems. Results. The work reveals that Russian protectionism has transformed from a forced response into a comprehensive strategy aimed at achieving economic sovereignty, reorienting trade flows to alternative centers of power (Asia, the Middle East) and strengthening political influence within the EAEU.

The study proves that under the conditions of sanctions pressure, protectionism has become a key element in building a national economy resistant to external shocks and a tool for weakening the unipolar hegemony of the West.

Thus, the study showed that protectionism in Russian foreign policy practice is a multifaceted tool that serves the goals of both economic security and geopolitical positioning.

Its results can be used to further predict the development of the international system, develop strategies for adapting national economies to new realities, and understand the logic of Russian foreign policy in a multipolar context.

References

1. Degterev D. A., Borishpolets K.N. Sanctions and counterplay: the economic war of the West against Russia // World economy and international relations. 2023. Vol. 67. No. 2. pp. 5-16.
2. Akimova A. O., Aynetdinov R.H. Protectionism in the context of the formation of a multipolar world of sovereign states // Post-Soviet continent. 2025. No. 1. pp. 99-107.
3. Lukin A.V. Towards a multipolar world: the formation of a polycentric international system // Policy. Political research. 2022. No. 4. pp. 8-26.
4. Bondarev A.V., Tsaplin V.O. Theoretical and historical aspects of the development of protectionism // Transformation of the world economy in new market realities. 2023. pp. 850-855.
5. Waltz K. N. Theory of International Politics – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
6. Zuev V. N., Svinarev A.S. Protectionism in international trade: new challenges and modern forms // Bulletin of International Organizations. 2022. Vol. 17. No. 1. pp. 55-75.
7. On the approval of the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated May 11, 2023 No. 347 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305110001> (accessed: 20.05.2024).
8. Kadochnikov P. A., Sinelnikov-Murylev S. G. Import substitution in Russia: from a forced measure to a development strategy // Economic issues. 2023. No. 5. pp. 5-25.
9. Shirov A. A., Khromov M.Yu. Assessment of the effects of sanctions on the Russian economy and prospects for import substitution // Economic development of Russia. 2022. Vol. 29. No. 9. pp. 12-17.
10. Overchuk: Since 2015, trade volumes in the EAEU have increased by 87.2 percent // URL: <https://www.pnp.ru/economics/overchuk-s-2015-goda-obemy-torgovli-v-eaes-vyrosli-na-872.html> (accessed: 22.09.2025).
11. Spartak A. N. Russia in the global trading system: challenges of sanctions and adaptation strategy // Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 10. pp. 7-22.
12. RUSSIA– INDIA. Challenges and solutions of economic cooperation // URL: https://bigasia.ru/wp-content/uploads/2024/07/russia_india.pdf (accessed: 22.09.2025).

13. The growth of foreign trade between Russia and Iran // <https://iranchemicals.ru/novosti/rost-vneshney-torgovli-mezhdu-rossiey-i-iranom> (accessed: 22.09.2025).

14. Trunin P. V., Muravyov A.V. Dedollarization of the Russian economy under sanctions // Money and credit. 2023. Vol. 82, No. 1. pp. 3-30.

15. Portansky A. P. Protectionism of the XXI century: in the format of trade wars // Modern Europe. 2020. No. 2. pp. 54-65.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025.

Принята к публикации 20.10.2025.